1376

О СОВРЕМЕННОМЪ

РУССКОМЪ СЕКТАНТСТВѢ

ПРОТЕСТАНТСКАГО ХАРАКТЕРА.

(О новыхъ сектахъ, такъ называемыхъ, раціоналистическихъ).

СОСТАВИЛЪ

Дмитрій Скворцовъ.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ

1899.

Пров. 1899

Дозволено Цензурою. Москва. Февраля, 8 дня, 1899 года.
Цензоръ Пресвитеръ *Н. Извѣковъ.*

ВХ
599

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1096
59

Изъ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей», 1899 г.

О современномъ русскомъ сектантствѣ протестантскаго характера (о новыхъ сектахъ, такъ называемыхъ, раціоналистическихъ) [1]).

I.

I Вступленіе. — Раннее появленіе у насъ на Руси идей противоцерковныхъ.—Краткій обзоръ раціоналистическаго сектантства до XVIII вѣка: секты стригольниковъ, жидовствующихъ, Бакшина и Косого. — Появленіе многочисленныхъ сектъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Въ наше время замѣчается особенный подъемъ религіозно-церковной жизни русскаго народа. Повсемѣстное открытіе церковно-приходскихъ школъ, приближающихъ народъ къ церкви, учрежденіе православныхъ церковныхъ братствъ, поставляющихъ главною своею заботою народное просвѣщеніе въ духѣ православной церкви, устройство религіозно-нравственныхъ собесѣдованій, основаніе церковно приходскихъ попечительствъ, заведеніе читаленъ при церквахъ и т. п.—все это несомнѣнные признаки развитія религіозно-церковной жизни. Но, на ряду съ этими отрадными явленіями, въ той же религіозно-церковной жизни нашего народа весьма замѣтны явленія и противоположнаго характера. Въ то время какъ громадное большинство русскаго люда все болѣе

[1]) Публичная богословская лекція, читанная въ залѣ Синодальнаго училища, 16 марта 1898 г.

и болѣе начинаетъ относиться къ церкви съ разумнымъ пониманіемъ ея ученія и духа, освобождаясь отъ тьмы предразсудковъ и суевѣрій, другая часть его (и, къ сожалѣнію, не малая) становится къ ней во враждебныя отношенія, уходитъ отъ нея во страну далечу. Мы разумѣемъ здѣсь современное сектантство протестантскаго характера. Извѣстно, что два внутренніе недуга постоянно безпокоютъ и озабочиваютъ нашу русскую православную церковь: старообрядческій расколъ и протестантствующее сектантство. Что касается перваго изъ нихъ, то онъ становится все менѣе и менѣе опаснымъ для церкви: симпатіи къ нему народа, съ проникновеніемъ въ среду его просвѣщенія, охладѣваютъ. Но протестантствующее сектантство становится за то болѣе опаснымъ и дерзкимъ врагомъ, который лукаво пользуется во вредъ церкви распространяющимся образованіемъ народа. — Предметомъ нашего чтенія будетъ одно только послѣднее проявленіе религіознаго разномыслія русскаго народа. Но такъ какъ для объясненія современныхъ явленій принято наводить историческія справки во временахъ отдаленныхъ, съ цѣлію разслѣдовать,—не было-ли въ исторіи явленій, подобныхъ современнымъ, и не есть-ли то или другое современное явленіе русской дѣйствительности продолженіе или, такъ сказать, доразвитіе прежнихъ подобныхъ явленій, то и мы, держась этого, несомнѣнно разумнаго, историческаго правила, заглянемъ въ прошлое нашей церковной жизни и сдѣлаемъ хотя самый краткій обзоръ сектантскихъ броженій на Руси.

Господи! не доброе-ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ, откуда же на немъ плевелы (Мѳ. 23, 27)? Такъ, по одной притчѣ Спасителя, слуги спрашиваютъ своего господина, когда увидѣли на полѣ вмѣстѣ съ колосьями пшеницы много плевелъ. Такъ спросимъ теперь и мы, приступая къ обозрѣнію разнообразныхъ русскихъ сектъ — этихъ плевелъ на нивѣ Христовой. Не чистая-ли пра-

вославная вѣра насаждена была на Руси св. Владиміромъ и его сподвижниками?! Тихо, безъ сопротивленія русскій народъ воспринялъ эту св. вѣру и всѣ ея св. обычаи и настолько глубоко проникся ею въ своей душѣ, что православіе долгое — долгое время служило исключительнымъ началомъ русской мысли и жизни, а церковь православная признавалась главнѣйшимъ основаніемъ единства общественнаго. Но разномысліе въ дѣлѣ вѣры, какъ свидѣтельствуетъ Слово Божіе и исторія церкви, является неизбѣжнымъ: «подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти», говоритъ апостолъ. Поэтому— то и среди русскаго народа весьма рано обнаружились сектантскіе плевелы, весьма рано появились разрушительныя противоцерковныя идеи. Первыми врагами русской церкви считаются волхвы, по происхожденію— финны, которые въ XI вѣкѣ смущали не мало вѣрующихъ. Но мы не назовемъ ученіе волхвовъ сектантскимъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Ихъ ученіе представляетъ собою странную смѣсь христіавства и язычества, выразившуюся въ дуализмѣ: два міра—небесный и земной управляются двумя различными и самостоятельными силами,—Богъ христіанскій есть Богъ небесный, въ Его власти находятся небо и души людей, а языческіе боги управляютъ землею и земною судьбою человѣка, его тѣломъ при жизни и по смерти. Волхвы, так. обр., не были христіанами. Но въ собственномъ смыслѣ сектантство обнаружилось на Руси только въ половинѣ XIV в. сначала въ Псковѣ, а затѣмъ скоро занесено было въ Новгородъ. Здѣсь появилась ересь съ оригинальнымъ названіемъ *стригольниковъ*. Ересь эта шла въ народъ сверху—отъ людей начитанныхъ и стоявшихъ близко къ церковнымъ дѣламъ. Основателемъ ея былъ одинъ псковскій діаконъ Карпъ, который былъ «художествомъ стригольникъ». «Художество» діакона Карпа состояло въ стриженіи новопоставленныхъ дьяковъ. Эта выстрижка (такъ называе-

маго гуменца), обязательная для духовенства при произведеніи въ первую церковную должность писца или дьяка, совершалась тотчасъ послѣ посвященія.

По своей должности имѣя много случаевъ наблюдать за злоупотребленіями при посвященіяхъ, именно поставленіе *на мздѫ*, діаконъ Карпъ прежде всего началъ съ отрицанія пастырей церкви, а потомъ послѣдовательно дошелъ до отрицанія ихъ священнодѣйствій, проповѣдуя народу, что не нужно принимать отъ священниковъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, что каяться можно безъ священства, припадая къ землѣ, что другія таинства вовсе для спасенія не нужны. Крайніе стригольники съ логическою послѣдовательностію довели до конца начало отрицанія, положенное въ основу секты: они отрицали рѣшительно *все внѣшнее* въ христіанствѣ, не желая признавать никакихъ - даже апостольскихъ — писаній, отвергали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь и даже, кажется, потеряли самую вѣру въ Божественнаго Искупителя человѣчества, полагая, что для спасенія достаточно молиться на небо, призывая въ молитвахъ Отца небеснаго, дойдя, так. обр., въ своемъ отрицаніи до нѣкотораго деизма [1]).

Въ такомъ своемъ видѣ секта стригольниковъ перешла изъ XIV вѣка въ XV-й. Хотя основатели и вожаки этой секты были потоплены народомъ въ рѣкѣ Волховѣ, однако сѣмена ихъ лжеученія продолжали произрастать; въ Новгородѣ и въ половинѣ XV вѣка оставалось много сочувствовавшихъ стригольничеству. Таковыми были большею частію люди духовнаго сана. Но стригольничество XV вѣка, не теряя своего основнаго раціоналистическаго характера, подъ вліяніемъ весьма сложныхъ причинъ, воспріняло въ себя новые элементы, которые заимствованы были, главнымъ образомъ, изъ либеральнаго іудейства караимскаго направленія, заключающагося

[1]) Секта стригольниковъ, проф. *Титова* (Мисс. Обозр. 1896. Апр. кн. 1, стр. 16—17).

въ критическомъ отношеніи къ вѣрѣ отеческой и въ глубокомъ уваженіи къ научному образованію. Привнесъ эти элементы въ стригольничество одинъ ученый еврей Захарія Скара, прибывшій въ Новгородъ по торговымъ дѣламъ, почему и секта, имъ основанная, получила впослѣдствіи названіе «ереси жидовствующихъ». Караимское еврейство либерально-философскаго направленія встрѣтилось съ крайнимъ отрицательнымъ стригольничествомъ, каковымъ оно заявило себя въ XV вѣкѣ, и изъ смѣшенія ихъ образовалась новая секта, извѣстная подъ названіемъ жидовствующихъ. Эта новая секта скоро привлекла къ себѣ симпатіи высшаго общества и охватила значительное пространство. Въ числѣ поклонниковъ своихъ она имѣла прежде всего лицъ духовныхъ, каковы были протопопъ софійскій Гавріилъ, священники новгородскіе Діонисій и Алексѣй, а перенесенная въ Москву—она привлекла къ себѣ образованныхъ придворныхъ дьяковъ, каковы были Ѳедоръ Курицынъ, его братъ Иванъ Волкъ и др., нѣкоторыхъ бояръ,—и даже проникла въ царскую семью, гдѣ послѣдовательницею ея была невѣстка великаго князя Іоанна III, покровительствомъ котораго сектанты лукаво пользовались. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что на митрополичій престолъ былъ возведенъ тайный приверженецъ секты, Симоновскій архимандритъ Зосима. Принявши такіе размѣры, секта жидовствующихъ грозила весьма серьезною опасностію для церкви. Ученіе жидовствующихъ было крайне разрушительно и выражалось въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ: 1) они отрицали догматы воплощенія и Божества І. Христа, 2) признавая сходство Господа І. Христа съ Моисеемъ и другими пророками, они считали Ветхій и Новый Завѣты одинаково обязательными и въ практической жизни стремились примирить предписанія того и другаго, 3) отвергали поклоненіе иконамъ и др. священнымъ предметамъ православной церкви, почитаніе святыхъ и мощей, 4) крити-

чески относились къ Св. Писанію, преданію и святоотеческимъ твореніямъ, 5) нѣкоторые изъ нихъ отрицали безсмертіе душъ, воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь и, наконецъ, 6) отвергали монашество.

Въ XVI вѣкѣ русское вольнодумство еще разъ потерпѣло видоизмѣненіе – и опять таки въ сторону крайняго развитія отрицанія. Извѣстно, что XVI-й вѣкъ былъ вѣкомъ крайняго развитія обрядовѣрія, что особенно выразилось въ постановленіяхъ Стоглаваго собора; какъ-бы въ противовѣсъ этой крайности, обнаружилась другая: съ особенною силою ожило сектантское вольнодумство. Главными вольнодумцами того времени были нѣкто Матвѣй Бакшинъ и монахи Ѳеодосій Косой и Игнатій; они имѣли много послѣдователей. Въ то время какъ лжеученіе жидовствующихъ заключало въ себѣ хотя незначительную іудейскую подкладку, лжеученіе Бакшина, наоборотъ, было уже христіанско-раціоналистическою ересью, неимѣвшею ничего общаго съ іудействомъ, хотя и находившеюся въ прямой связи съ прежнимъ жидовствомъ [1]). Бакшинъ и его послѣдователи были такіе же вольнодумцы и невѣры, какими заявили себя въ наши дни послѣдователи, напр., гр. Толстого и т. п. Отрицательные пункты ученія вольнодумцевъ XVI вѣка состоятъ въ слѣдующемъ: 1) они отрицали божественность І. Христа, 2) не признавали догмата искупленія 3) отрицали безсмертіе человѣческой души, почитаніе иконъ, которыя называли идолами, храмы, посты, чудеса, мощи и внѣшніе обряды, какъ человѣческія преданія, которыя введены духовенствомъ.

Итакъ, мы видимъ, что раціоналистическое сектантство, зародившись у насъ въ XIV вѣкѣ, не прекращалось и въ XVI в., — вѣкѣ крайняго развитія обрядовѣрія: оно только видоизмѣнялось. Каждый изъ трехъ вѣковъ отмѣчается въ церковной исторіи оч. сильными

---

[1]) Мисс. Обозр. 1896 г. ноябрь, кн. 1-я стр. 343.

сектантскими броженіями. «Печальною сектою стригольниковъ,—говоритъ проф. Малышевскій,—началось у насъ, т. е. въ нѣкоторой части русскаго народа, то религіозно-раціоналистическое движеніе, которое перешло въ слѣдующія десятилѣтія и вѣка. Не болѣе, какъ чрезъ 35-лѣтіе послѣ нея началось и опять въ Новгородѣ новое такое движеніе, извѣстное подъ именемъ ереси іудействующихъ. Іудейство участвовало въ немъ въ видѣ случайнаго, внѣшняго возбужденія, преслѣдуя здѣсь не столько цѣли чисто-религіозной пропаганды, къ которой, съ появленіемъ христіанства, іудейство утратило и способность и желаніе, сколько цѣли матеріальныя, торгово-промышленныя. Но движеніе это сильнѣе питалось самородными элементами религіознаго своемыслія, въ ряду ихъ и укрывавшимися остатками ереси стригольниковъ« [1]), а потомъ, прибавимъ мы, освободившись отъ элементовъ іудейскихъ, сдѣлалось крайнею раціоналистическою христіанскою сектою.

Что касается, далѣе, XVII вѣка, то вѣкъ этотъ ознаменованъ прискорбнымъ отпаденіемъ массы русскаго народа отъ православной церкви въ расколъ. Этотъ важный фактъ церковной жизни поглотилъ тогда все вниманіе гражданскаго и церковнаго правительства и затмилъ собою всѣ другія отрицательныя религіозныя движенія русской мысли. Но, несомнѣнно, раціоналистическая мысль жила и тогда, а къ концу этого вѣка обнаружилось еще дов. сильное мистическое броженіе, представителями котораго были Кульманъ и Нодерманъ. Впрочемъ, несомнѣнно, что XVII вѣкъ не отмѣченъ какими ниб. крупными или выпуклыми явленіями въ религіозно-раціоналистическомъ движеніи. За то слѣдующій XVIII-й вѣкъ былъ особенно благопріятенъ для развитія всякаго рода сектантскихъ бредней, какъ характера раціоналистическаго, такъ и мистическаго.

---

[1]) Изъ Мисс. Обозр. 1896 г.

Извѣстно, что при Петрѣ и преемникахъ его протестантскія идеи получили полное право гражданства. Еще одинъ изъ первыхъ вольнодумцевъ Петровскаго времени Дм. Тверитиновъ говаривалъ: «нынѣ у насъ слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ». Нѣмецкое вліяніе смѣнилось затѣмъ во второй половинѣ XVШ вѣка не менѣе опаснымъ французскимъ. Легкомысленные помѣщики, воспитавшіеся на французской философіи, поклонявшіеся Вольтеру, какъ нынѣ поклоняются Льву Толстому, разсѣянные по всѣмъ уголкамъ Россіи, могли вліять на народъ только въ худомъ смыслѣ. Такимъ образомъ, почва для всякихъ отрицательныхъ ученій была подготовлена. И вотъ появляется цѣлый рядъ всякаго рода сектъ въ видѣ духоборцевъ, молоканъ, субботниковъ, хлыстовъ, скопцовъ и т. п. съ ихъ развѣтвленіями и подраздѣленіями. Не имѣя возможности установить и выяснить генетическую связь этихъ сектъ съ сектами XIV—XVI вв., мы однако должны сказать, что въ нихъ развивались тѣ же противоцерковныя и отчасти противогосударственныя идеи, какія и въ сектахъ прежняго времени. Что касается въ частности секты духоборцевъ и молоканъ, то онѣ являются отголоскомъ секты Бакшина и Косого и доразвитіемъ идей Тверитинова, а секта субботниковъ представляетъ собою продолженіе секты жедовствующихъ.

Жизнь русскаго сектантства первой половины XIX вѣка выражалась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ или иныхъ броженіяхъ въ сектахъ, народившихся въ XVШ вѣкѣ, въ ихъ взаимной борьбѣ между собою, въ выдѣленіи изъ нихъ новыхъ толковъ, удерживавшихъ однако основной характеръ сектантства XVШ вѣка. Если и появлялись тогда какіяниб. новыя секты во родѣ Сіонской вѣсти, то онѣ были или оч. незначительны, или же недолговѣчны и не вызывали въ русскомъ народѣ массоваго движенія въ ихъ пользу.—Совсѣмъ другое мы должны

сказать, приступая къ обозрѣнію современнаго сектантства, народившагося во второй половинѣ нашего вѣка и доселѣ приковывающаго къ себѣ неослабное вниманіе какъ со стороны церкви и государства, такъ и со стороны общества и печати.

II.

II. Современное сектантство. А) *Штундизмъ*: почва, на которой онъ возникъ; краткія историческія замѣчанія; отрицательное ученіе штундистовъ о церковномъ преданіи, о церкви православной, іерархіи и таинствахъ; положительное ихъ ученіе о таинствахъ, о лицѣ І. Христа и др. Соціально-политическія чаянія штундистовъ, выразившіяся въ ихъ ученіи «о духовномъ союзѣ», «святомъ соединеніи» и т. п. — Секта штундистовъ есть не только антицерковная, но и антигосударственная.

Современное русское сектантство обнаружилось въ трехъ главныхъ видахъ, имѣющихъ между собою близкое соотношеніе. Каждое изъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій отмѣчено появленіемъ особой секты: въ 60-хъ годахъ въ южной Россіи появился всѣмъ извѣстный *штундизмъ*, въ 70-хъ въ сѣверной столицѣ проявилась не менѣе извѣстная *пашковщина*, а въ 80-хъ еще болѣе извѣстное *толстовство*, какъ богословско-философская доктрина, стало перерождаться въ секту. Всѣ эти три вѣтви сектантства какъ-бы дополняютъ и дорозвиваютъ одна другую и появились онѣ въ естественномъ порядкѣ развитія ихъ принциповъ.

Возникновеніе первой изъ указанныхъ сектъ относится, какъ сказано, къ 60-мъ годамъ. Это обстоятельство обращаетъ на себя особое вниманіе. Шестидесятые года оставили по себѣ, можно сказать двоякую память. Съ одной стороны, они памятны намъ тѣмъ, что тогда сильнѣе, чѣмъ когда-либо, пробудилось въ обществѣ стремленіе къ знанію и просвѣщенію, а народъ изъ раба сдѣлался свободнымъ. Но, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ и наукой, проникъ тогда къ намъ и съ особенной силою заявилъ о себѣ ложный либерализмъ,

какъ общественная язва. Это, какъ нельзя болѣе, способствовало «развитію раціонализма, колебанія и сомнѣнія въ отношеніи къ вѣковымъ устоямъ и авторитетомъ и въ обществѣ и въ народѣ. Съ этой стороны— рѣзко всюду начинаютъ распространяться притязанія на право каждому имѣть свое сужденіе о предметахъ вѣры и ученіе о мнимой свободѣ совѣсти, подъ которой разумѣется неограниченное право вѣрить во всякую ложь и распространять всякое заблужденіе. Такимъ возбужденнымъ стремленіемъ народнаго сознанія къ свободѣ и знанію воспользовались новоднившіе югъ Россіи проповѣдники нѣмецкихъ сектъ—піэтистовъ, меннонитовъ и и баптистовъ, а также агенты заграничныхъ миссій въ лицѣ книгоношъ британскаго библейскаго общества, сколько съ цѣлію религіознаго, столько и даже болѣе— съ цѣлію чисто политическою, съ цѣлію мирнаго завоеванія южно-русскаго края. Трудно сказать. какъ бы пережиты были въ народѣ всѣ эти искушенія, но съ увѣренностію можно утверждать, что штунды онъ не создалъ бы, если бы нѣмецкіе проповѣдники не преподали ему этихъ чуждыхъ міровоззрѣнію русскаго человѣка доктринъ» [1]). Кромѣ этого, говоря о почвѣ и условіяхъ, при которыхъ возникъ и окрѣпъ штундизмъ, нужно упомянуть объ особенномъ тогда религіозномъ броженіи и возбужденіи на югѣ Россіи, при которыхъ легко возникаютъ сектантскія движенія, если во время это возбужденіе не найдетъ должнаго руководства въ лицѣ пастырей, а такое руководство на югѣ Россіи въ то время отсутствовало. Явившись на такой почвѣ, русскій штундизмъ быстро окрѣпъ и сталъ распространяться. Безпрепятственному распространенію его благопріятствовали весьма многія обстоятельства: во 1-хъ, его очень долго не замѣчали и на него поэтому не обращали вниманія; во 2-хъ, когда онъ былъ замѣченъ, то многіе — одни

[1]) Мисс. Обозр. 1896 г. Янв стр. 59—60.

по невѣдѣнію, другіе по либеральничанью, третіи, наконецъ, по враждѣ къ церкви—отнеслись къ нему сочувственно; такъ, сочувственно отнеслась къ нему вся такъ называемая либеральная печать: она усмотрѣла въ штундизмѣ явленіе «отрадное, свѣтлое, желательное» среди будто бы совершенно «темнаго народа»; въ 3-хъ много ободрили штундистовъ первые оправдательные приговоры Окружнаго Суда, когда они привлечены были къ отвѣтственности за возмутительное кощунство; наконецъ, неподготовленность тогдашняго духовенства къ борьбѣ съ новымъ врагомъ церкви была новою причиною свободнаго распространенія штундизма. — Мы не имѣемъ возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ излагать исторію штундизма [2]), но укажемъ только на то, что въ ней доселѣ можно различить три періода: первый до 70-хъ годовъ, когда штундисты, повидимому, еще не порывали связи съ церковію, второй—съ 70-хъ

---

2) Штунда, по нѣмецки—stunde—значитъ просто *часъ* времени. Первымъ виновникомъ штунды признаютъ пастора одной изъ херсонскихъ нѣмецкихъ колоній—Боннекемпфера. Онъ очень уважалъ православную вѣру, но, какъ лютеранинъ, соблазнялся тѣмъ, что въ православной церкви вся важность полагается яко-бы въ обрядѣ, въ церковной внѣшности, что нѣтъ въ ней, на ряду съ прекрасными обрядами и внѣшности, живой проповѣди Онъ хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ,— и поэтому сталъ приглашать на свои часовыя проповѣди, устрояемыя для нѣмцевъ и русскихъ православныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ по-русски и могъ толковать библію на русскомъ языкѣ. Нѣкоторые православные пошли сначала изъ любопытства; но лютеранскіе часы понравились имъ. Они сообщили объ этомъ другимъ православнымъ, и тѣ въ свою очередь заинтересовались *часами*. Такъ обр., нѣмецкія штунды стали привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе слушателей изъ числа православныхъ. Доселѣ мы не видимъ въ штундѣ еще ничего худаго. Но припомнимъ, что въ устахъ Боннекемпфера, какъ и другихъ лютеранскихъ пасторовъ, библія и чтеніе ея принимаетъ вѣроисповѣдный характеръ. Поэтому, онъ, несмотря на свои медоточивыя увѣренія въ глубокомъ уваженіи къ православію, сильно критиковалъ его въ своихъ чтеніяхъ. Такъ, наше православное богослуженіе онъ называлъ не богослуженіемъ и богопочтеніемъ, а цереслуженіемъ и маріепочтеніемъ; затѣмъ, онъ выражалъ мысль, что къ православному Credo нужно присоединить и лютеранскую свободу въ толкованіи библіи. Очевидно, что когда православные стали посѣщать часы Боннекемпфера, онъ не ограничился только однимъ назидательнымъ чтеніемъ библіи, а давалъ ему вѣроисповѣдный характеръ.—Штунда явилась на югѣ потому, что на югѣ у насъ есть множество нѣмецкихъ колоній съ пасторами Боннекемпферами, которые языкомъ точатъ похвалы православному вѣроисповѣданію съ его превосходнымъ обрядами, твердымъ Credo, а на дѣлѣ творятъ ему всевозможныя пакости.

годовъ и до половины 80-хъ. Этотъ періодъ характеризуется наибольшимъ разцвѣтомъ штундизма, когда онъ успѣлъ охватить своимъ пожаромъ чуть не весь югъ Россіи, пользуясь свободою, когда не десятками и сотнями, а цѣлыми тысячами совращались православные въ штунду;—третій періодъ—съ половины 80-хъ годовъ и до настоящаго времени, когда штундизмъ сталъ не такъ смѣлъ и дерзокъ и сталъ даже разлагаться. Прошлое благотворное царствованіе коснулось и штундизма, придя на помощь миссіи въ борьбѣ съ нимъ. Въ этомъ періодѣ штундизма важнѣйшимъ моментомъ является изданіе закона 1894 года, по которому секта признана «особенно вредною» и для церкви и для государства, и потому имъ (закономъ) запрещены всякія собранія штундистовъ.

Что-же такое штундизмъ, что онъ представляетъ собою въ религіозномъ отношеніи и какіе его соціальные и государственные идеалы?

Нѣмецкое названіе штундизма показываетъ, что онъ и по духу, и направленію своему есть, такъ сказать, нѣметчина, но нѣметчина, передѣланная простымъ русскимъ умомъ по своему. Отвлеченное протестантское ученіе не по силамъ было усвоить простому русскому уму,—и вотъ оно усвояется въ тѣхъ своихъ частяхъ и съ тѣми видоизмѣненіями и, наконецъ, въ той формѣ, какія наиболѣе русскому уму доступны. Въ сектѣ штундистовъ, поэтому, мы находимъ самые разнообразные элементы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой источникъ, именно: частью въ чистомъ протестантствѣ, частью въ мистическомъ анабаптизмѣ, частью въ невѣжественномъ раціонализмѣ, выродившемся изъ раціонализма южно-русской интеллигенціи, но при этомъ составные элементы ея до такой степени неразвиты и случайны, что трудно отыскать логическую связь отовсюду нахватанныхъ воззрѣній и взглядовъ, которые одинъ другому противорѣчатъ, одинъ другой исключа-

ютъ. Это обстоятельство всегда затрудняло и затрудняетъ изслѣдователей болѣе или менѣе систематично изложить ученіе штундистовъ. Мы остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ пунктахъ штундитскаго ученія.

Штундисты, какъ и другіе сектанты раціоналистическаго направленія, начали съ грубаго отрицанія и поруганія православныхъ обрядовъ, святыхъ, мощей, православныхъ праздниковъ и постовъ и т. п. Это психологически вполнѣ понятно. Воспринятіе раціональной мысли массой, равно какъ и отдѣльнымъ лицомъ—необходимо требуетъ низведенія съ пьедестала всего того, что было окружено ореоломъ святости. Но такъ какъ ученіе церкви о вышеупомянутыхъ предметахъ въ своей основѣ имѣетъ священное преданіе, то само собою нужно было отвергнуть послѣднее, какъ выдумку человѣческую. Какъ извѣстно, лютеранство также отвергаетъ преданіе, но оно отвергаетъ его принципіально, выходя изъ догмата объ оправданіи человѣка одною вѣрою. Штунда же безпринципна. Ей нужно только достигнуть одной цѣли—расшатать окончательно религіозно-нравственные устои простаго народа, которые коренятся у него болѣе въ знаніи внѣшней обрядовой стороны религіи, чѣмъ въ пониманіи догматическихъ тонкостей. Выходя изъ этой практической цѣли, руководители штундизма такъ аргументируютъ свое отрицаніе преданія: «Въ словѣ Божіемъ,—говорятъ они,—мы находимъ все нужное для спасенія, такъ какъ записано было то, что нужно, а что лишнее, о томъ и писать не было необходимости»,—или: «ненаписанное въ Евангеліи—преданіе церковное мы не принимаемъ и не признаемъ». Окончательный выводъ отсюда дѣлаетъ одинъ изъ вожаковъ штунды—Балабанъ: «православные обряды,—говоритъ онъ,—театры; преданіе—пустая выдумка». Разъ такъ, остается хулить все, что православіе чтитъ, издѣваться надъ всѣмъ, предъ чѣмъ православный человѣкъ прекло-

няется. И дѣйствительно, въ издѣвательствѣ и хулѣ на всѣ церковные штундисты перешли всѣ возможныя границы. Прежде всего, всю церковь православную они называютъ блудницею, сидящею на водахъ многихъ, дочерью Вавилона. Членовъ священной іерархіи обзываютъ всевозможными оскорбительными именами. Православные священники—это жрецы, ненавистные обманщики, которые принадлежатъ къ числу тѣхъ самыхъ архіереевъ, которые распяли Христа», — затѣмъ: дармоѣды, вымогатели, лѣнтяи, лжепророки. Православныхъ архіереевъ называютъ саранчею родъ свой они ведутъ будто-бы еще отъ царя Ирода. Былъ случай, что одинъ штундистъ назвалъ священника патлатымъ чертомъ. Дальше, кажется, идти некуда. Рядовыхъ членовъ церкви они б. ч. называютъ несчастными, погибшими язычниками. Далѣе, естественно ожидать, что наибольшей хулѣ штундистовъ должны подвергнуться тѣ святые, которые въ наибольшемъ почитаніи въ православной церкви. Такъ и случилось. По сообщеніямъ миссіонеровъ, они «Матерь Божію хулятъ самыми скверными названіями, называютъ именами, возмущающими душу вѣрующаго до самаго основанія». Изъ св. угодниковъ Божіихъ злоба и ненависть сектантовъ всего болѣе изливается на святителя и чудотворца Николая: отъ него все въ церкви Божіей пошло не по закону; имя этого святителя у нихъ играло и играетъ такую же роль, какъ у раскольниковъ имя патр. Никона. По имени этого святителя они называютъ православныхъ еретиками—николаитами, а Пергамская церковь (о которой упом. въ Апокалипсисѣ) означаетъ, по ихъ мнѣнію, Петербургъ. Что касается иконъ, то извѣстно, что штундисты называютъ ихъ кумирами, идолами, болванами. Рубятъ иконы, какъ дрова, бросаютъ ихъ въ печь, варятъ на нихъ пищу, топчутъ ногами, выкалываютъ глаза и т. п., о чемъ грустно даже входить въ подробности. Даже крестъ Христовъ они называютъ дьявольскимъ знакомъ, печатью Ирода, на-

чертаніемъ антихриста. И такъ, въ цѣляхъ подрыва церковныхъ установленій, дисциплины, права пастырей управлять, штундисты отвергли свящ. преданіе, признавая единственнымъ источникомъ вѣроученія свящ. писаніе. Но и свящ. писаніе сдѣлалось въ рукахъ штундистовъ, если позволительно такъ выразиться, игрушкой, которую они употребляютъ тогда и такъ, когда и какъ имъ нравится. Въ толкованіи его они руководятся, по ихъ словамъ, «благодатію, которая дарована всякому», и, слѣд., всякій имѣетъ право по своему понимать то или другое мѣсто св. писанія; очевидно, здѣсь полный просторъ произволу. Примѣровъ странныхъ толкованій у штундистовъ многое множество. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «хранилища свои», по штундовому опредѣленію,— «постройки», въ которыхъ хранится имущество», «воскрылія одеждъ»— полы и рукова рясъ»,— «возлагать руки»—бить. Поэтому, вполнѣ справедливо одинъ изслѣдователь штундизма произвольное толкованіе писанія ставитъ въ числѣ существенныхъ признаковъ его, говоря: тотъ, кто отвергаетъ необходимость православной религіи со всѣми таинствами, обрядами и іерархіею, держится девиза: толкуй евангеліе, какъ хочешь, и живи, какъ знаешь, и будетъ штундистъ.

Свящ. писаніе, насколько можно понять, является для штундистовъ источникомъ истинъ полемическаго характера, а источникомъ истинъ положительныхъ они указываютъ духовное озареніе, которое можетъ быть доступно каждому штундисту. Путемъ нравственной подготовки штундистъ можетъ дойти до такого состоянія, что въ его душу вселяется Богъ, становится ему видимымъ, совершаетъ въ немъ свои дѣла, даже дѣйствуетъ за человѣка.

«Ты не бачилъ своего Бога,—говоритъ штундистъ православному,—а я, якъ закрою очи, то и бачу». Но понятно, что озареніе—такое субъективное состояніе, о которомъ долженъ знать переживающій его, а пото-

му могли выдавать себя за озаренныхъ по произволу тотъ или другой штундистъ. Такъ, дѣйствительно и бывало. Разсказываютъ, что одинъ штундистъ, напившись до безумія, ворвался въ собраніе «братьевъ» и сталъ бить сперва публику, потомъ стекла въ окнахъ. Когда его вздумали уговаривать,—онъ кричалъ, бранился и категорически утверждалъ: мнѣ духъ велитъ дѣлать это.

Таинствъ въ православномъ смыслѣ штундисты не признаютъ; они, подобно лютеранамъ, отождествляютъ таинство со словомъ, отрицаютъ въ немъ существенную сторону—благодатное воздѣйствіе Св. Духа на личность и высоко ставятъ въ немъ субъективный нравственный моментъ. Поэтому, крещеніемъ они называютъ внутреннее превращеніе грѣшника въ праведника путемъ покаянія, что на языкѣ штунды означаетъ переходъ православнаго въ штундизмъ.

Водное крещеніе есть уступка простецамъ, для которыхъ необходимо же чѣмъ нибудь ознаменовать ихъ вступленіе въ общество «братьевъ», и штундизмъ, допуская крещеніе водою, сейчасъ же противорѣчитъ себѣ, замѣчая, что можно обойтись и безъ крещенія, такъ какъ оно—простой обрядъ, наружный знакъ, и не въ немъ сила. Итакъ, крещеніе есть знакъ внутренней перемѣны. Подобное же ученіе содержатъ штундисты и о таинствѣ причащенія. Возможное для вѣрующаго причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ есть только причащеніе словомъ. «Мы принимаемъ ясныя слова Спасителя,—говоритъ одинъ изъ вожаковъ штундизма,—и пріобщаемся Его плоти и крови, какъ Самъ Онъ говоритъ: слушающій слова Мои... имѣетъ жизнь вѣчную. Вкушеніе хлѣба и вина — уступка простецамъ, какъ въ крещеніи употребленіе воды, слѣд., обрядъ, допускаемый по нуждѣ. Заключая религіозное ученіе штундизма, которое, повторяемъ, отличается крайнею запутанностью, мы должны замѣтить особенно ихъ крайне неопредѣленный, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо богохульный

взглядъ на центральное лице въ христіанствѣ—на Господа Іисуса Христа. Казалось-бы, въ этомъ пунктѣ не должно быть колебанія и неопредѣленности. И однакоже у штундистовъ, на ряду съ ученіемъ объ І. Христѣ, какъ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Спасителѣ, Который вочеловѣчился и пострадалъ спасенія нашего ради, мы встрѣчаемъ—ученіе о Іисусѣ-человѣкѣ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько буквальныхъ выраженій штундистовъ объ І. Христѣ. Одни говорятъ: «І. Христосъ есть Единородный Сынъ, Слово, Спаситель, превознесенный выше всякой власти и могущества, Отецъ семейства; Онъ сдѣлался причастникомъ всѣхъ пророковъ и апостоловъ, причастникомъ Св. Духа». Уже и въ этомъ взглядѣ на лице Господа І. Христа усматривается странная, еретическая мысль, что І. Христосъ—есть только причастникъ Св. Духа. Но другіе представители штундизма—и такихъ не мало—прямо называютъ І. Христа простымъ человѣкомъ. Вотъ сообщаемыя миссіонерами нѣкоторыя выраженія сектантовъ о лицѣ Господа І. Христа: «Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ вотъ мы всѣ, но никакъ не Богъ, ибо Онъ былъ сынъ плотниковъ и у него были братья и сестры, вотъ такъ, какъ и вообще у всѣхъ насъ»; «Апостолы пребывали не съ Матерью Божіею, а съ Маріею, матерью Іисусовою и съ братьями Его. Слѣд., Іисусъ не былъ Богъ а человѣкъ, вотъ такой-же, какъ и мы теперь стали всѣ Іисусы»; «Христосъ теперь (когда вы православные сдѣлались штундистами) сталъ уже вамъ братъ, только старшій, и вы теперь стали такіе же, какъ и Онъ предъ Богомъ, святыя и безгрѣшныя дѣти Его»; «Христосъ—не Богъ, а только посредникъ предъ Богомъ, какъ были мировые посредники», а по другимъ—«защитникъ», «вотъ какъ въ Окружномъ судѣ защитникъ». А одинъ штундистъ назвалъ І. Христа—«политиканомъ». Наконецъ: «Христосъ — не Богъ, а умный человѣкъ, набрался мудрости въ Египтѣ, но былъ невоздержанъ,

указывалъ народу на неправды фарисеевъ и саддукеевъ и за то былъ распятъ губернаторомъ Пилатомъ и царемъ Иродомъ». Вотъ цѣлый рядъ буквально выписанныхъ штундистскихъ взглядовъ на лице І. Христа, какъ простаго человѣка. Въ виду того, что мнѣніе и воззрѣніе всѣхъ представителей штундизма должны имѣть для насъ одинаковую цѣнность, да и съ точки зрѣнія самихъ штундистовъ иначе быть не можетъ, мы не можемъ не признать, что въ штундизмѣ ученіе о І. Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ, достаточно распространено.

Кромѣ религіозной стороны, въ ученіи штундистовъ есть сторона соціально-политическая,—и послѣдняя находится въ тѣсной связи съ первой. Устранивъ церковь съ ея пастырями, штунда стремится къ упроченію у себя демократическаго элемента, ставя народъ въ исключительное положеніе организма, который самоуправляется въ духовно-религіозной жизни, не имѣя головы. Для штундизма нѣтъ пастырей и нѣтъ учителей ни въ православномъ, ни даже въ протестантскомъ смыслѣ. Но самую идею церкви штундисты не отрицаютъ, а поэтому они не мало говорятъ о реализаціи новаго союза, новой истинной церкви святаго соединенія, въ которомъ всѣ члены должны быть равноправны. Такая истинная церковь, по ихъ мнѣнію, существовала всегда среди избранныхъ. Хотя въ штундистскихъ обществахъ есть пресвитеры и діаконы, однако они свое полномочіе получаютъ только отъ общества и избираются только на опредѣленный срокъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что существованіе этого института въ штундизмѣ есть нарушеніе ихъ принципа.

Ученіе о новомъ духовномъ союзѣ, въ которомъ всѣ должны быть равноправны, въ связи съ ученіемъ объ озареніи, которое доступно всякому, легло въ основаніе ученія штундистовъ о новомъ государственномъ и общественномъ устройствѣ. Иначе говоря, отрицая православную церковь, составляющую оплотъ нашего го-

сударственной и общественной жизни, штундисты отрицаютъ и всѣ существующія формы общественной жизни. Русское общество, по ученію сектантовъ, стоитъ въ настоящее время на послѣдней ступени разложенія. И вотъ, штунда, ратуя противъ гражданскаго порядка, предъявляетъ обществу альтернативу: или оно должно признать, что, кромѣ власти Божіей, никакой другой власти нѣтъ, и пересоздаться по браку, предлагаемому штундизмомъ, или должно исчезнуть съ лица земли. Отрицая существующія формы общественной жизни, они, и между прочимъ говорятъ: теперь существуютъ въ обществѣ суды, но суды эти убиваютъ человѣка духовно; слѣд., болѣе существовать не могутъ. Общество должно «признать судьей совѣсть, а братья не то должны рѣшать, виновенъ или нѣтъ совершившій преступленіе, а то, почему онъ это сдѣлалъ. Теперь повсюду остроги, за тяжкія преступленія ждетъ каторга и даже смертная казнь. Но преступникъ — потому и преступникъ, что «творитъ по невѣдѣнію» Теперь война благословляется, воинство называется христолюбивымъ: «братья» не знаютъ войны,—она—зло. Даже условно нельзя признать за обществомъ права оружія: бьющій мечемъ долженъ погибнутъ отъ меча. Равнымъ образомъ не должны существовать клятва, договоры, присяга: они въ обществѣ «святыхъ братьевъ» — contradictio in adjecto,—мѣста не имѣютъ.

Но что-же, однако, штундизмъ предлагаетъ на мѣсто этихъ отрицаемыхъ формъ общественной жизни? Ничто иное, какъ коммунизмъ и соціализмъ: если будутъ проведены въ жизнь эти два начала, тогда «новый союзъ» братьевъ будетъ фактомъ. Еще при самомъ возникновеніи штундизма люди дальновидные выражали опасеніе, что штундизмъ, начавъ съ отрицанія церкви и всего святаго для русскаго народа, можетъ послѣдовательно дойти до отрицанія и власти, освященной церковью, и говорили: «здѣсь есть надъ чѣмъ призаду-

маться»! Одинъ изслѣдователь сектантства—также очень давно (лѣтъ 30 назадъ) писалъ: «коммунизмъ есть та удочка, на которую штундовые удятъ неофитовъ. Вотъ рядъ выводовъ, по коимъ штундовые объясняютъ коммунизмъ. І. Христосъ, говорятъ они, цострадалъ за весь родъ человѣческій; слѣд., и любовь Его ко всѣмъ людямъ равна; если любовь І. Христа ко всѣмъ одинакова, то и блага міра сего должны быть раздѣлены между людьми тоже поровну; а какъ состояніе и земля суть блага міра сего, то слѣд., какъ первое, такъ и вторая должны быть раздѣлены поровну между всѣми живущими людьми». Это было сказано слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее же время штундисты вполнѣ оправдываютъ такой отзывъ объ нихъ: они, дѣйствительно, коммунисты и соціалисты, такъ что, по общему отзыву миссіонеровъ, современный штундизмъ — секта столько-же антицерковная, сколько антигосударственная съ соціальной нѣмецкой подкладкой. Что все это-такъ, можно усматривать изъ слѣдующихъ открыто высказываемыхъ штундистами мыслей (мы опять приводимъ слова штундистовъ буквально): «попы проповѣдуютъ вѣру, эта вѣра—не та, которую намъ нужно, эта вѣра—языческая, и мы ее отвергаемъ; наша вѣра будетъ вотъ какова: свобода, равенство и братство». Въ 1889 г. южнорусская печать сообщала о существованіи среди штундистовъ цѣлой теоріи будущаго гражданскаго устройства Новороссіи, причемъ теорія эта отождествляетъ пропаганду штунды съ пропагандой нѣмецкаго соціализма. Штундизмъ откровенно заявляетъ: «теперь насъ 50, можетъ быть, тысячъ, чрезъ 5—10 лѣтъ намъ полгосударства отойдетъ»; «теперь молчимъ и подати платимъ и всѣ казенныя повинности исправно выполняемъ, а скоро наступитъ такая пора, когда и патлатымъ и тому, кто ими командуетъ, скажемъ: «молчать»! «Нынѣ,—говоритъ еще штундизмъ,—воскресъ духъ Христа въ сердцахъ Его братьевъ, открылось Слово Божіе, сокровенное отъ вѣ-

ковъ и родовъ: нынѣ будетъ отнята сила у всякаго начальства; оно будетъ подвергнуто позору, фарисеи (т. е. священники) и саддукеи (т. е. чиновники)—солома, солому эту сожгутъ, когда народъ освободится отъ рабства и станетъ пшеницей Божіей», т. е. когда поголовно перейдетъ въ штундизмъ. Въ своемъ настроеніи противъ власти штундизмъ доходитъ до фанатизма. Такъ разсказываютъ, что одна штундистка Анна Ганичева рѣшила «идти въ Петербургъ, чтобы землю скорѣе раздѣлили и правильнѣе разложили подати». Случаевъ дѣйствительнаго сопротивленія штундистовъ властямъ извѣстно очень много. Когда сельскія власти, желая заставить того или будущаго штундиста исполнить законное требованіе, напоминали объ исправникѣ или становомъ, то обыкновенно слышали отъ него отвѣтъ: «я знать не хочу ни становаго пристава, ни исправника, ни губернатора». Въ концѣ нашего очерка мы еще разъ будемъ имѣть случай коснуться вопроса объ отношеніи штундистовъ самаго послѣдняго времени къ властямъ и увидимъ, что штундизмъ продолжаетъ въ этомъ отношеніи не только быть вѣрнымъ себѣ до сего дня, но и доразвиваетъ свои разрушительно-отрицательныя начала.

Итакъ, «новый союзъ братьевъ», «истинная церковь», «святое соединеніе», о которыхъ такъ много говорятъ штундисты, есть нечто иное, какъ осуществленіе началъ коммунизма и соціализма съ признаками анархіи. Нашъ простой народъ, лукаво отторгнутый отъ церкви, отъ которой онъ получалъ искони все свое духовное достояніе, легко уже далѣе поддается всякому вѣтру ученія, и въ томъ числѣ и коммунѣ и соціализму. Итакъ, повторяемъ: штундизмъ есть секта не только антицерковная, но и антигосударственная.

В. *Пашковщина.* Обстоятельства возникновенія пашковщины въ Петербургѣ, съ выясненіемъ условій, благопріятствовавшихъ ея развитію.—Краткая первоначальная исторія пашковщины.—Пересажденіе пашковщины изъ высшаго аристократическаго круга въ народъ.—Какъ вѣрованія пашковцевъ отразились на народѣ? — Краткое замѣчаніе объ отличіи пашковщины отъ штунды. — Взаимоотношеніе интеллигентнаго сектантства съ народнымъ.

Въ то самое время, когда на югѣ Россіи разцвѣла народная штунда и вспыхнула, по выраженію преосвящ. Амвросія, «нравственно-политическимъ пожаромъ въ нашемъ отечествѣ», въ сѣверной столицѣ зарождалась также своего рода штунда, — только аристократическая. Говоря это, мы разумѣемъ пашковщину, которая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ сходство со штундою. О взаимномъ отношеніи пашковщины со штундою будетъ рѣчь ниже; теперь же позволимъ себѣ припомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ возникла пашковщина въ Петербургѣ. Если для народной южной штунды нашлась благопріятная почва, то еще болѣе благопріятная почва оказалась въ Петербургѣ для пашковщины. Шестидесятые года почти совершенно разрушили вѣру въ нѣкоторой части нашего общества. На всѣ стороны общественной жизни были усвоены либеральныя воззрѣнія; жизнь со всѣми своими мелочами текла вполнѣ согласно съ этими воззрѣніями. Либеральная западная наука и цивилизація, такъ сказать, насквозь пропитала русскую жизнь. Оставалась только непоколеблемою и неизмѣнною наша православная церковь, которая никакъ не мирилась съ такою наукою и жизнію. Очевидно, обществу оставалось одно изъ двухъ: или отречься отъ западной цивилизаціи и отъ всего, что чрезъ нее привнесено въ жизнь противнаго духу православной вѣры и церкви, или же измѣнить самую вѣру, такъ чтобы она не стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ жизнію.

Для того, чтобы рѣшиться на первое — нуженъ былъ подвигъ, нужно было заразъ отказаться отъ множества вошедшихъ въ жизнь привычекъ, нравовъ и обычаевъ. Но и безъ вѣры общество жить не можетъ. Среди всѣхъ роскошей жизни, среди всѣхъ наслажденій свѣта не всякій способенъ закружиться до того, чтобы атрофировать въ себѣ потребность религіи; время отъ времени она сказывается невыразимой тоскою. Особенно неспособна отрѣшиться отъ этой потребности женщина, въ самой природѣ которой избытокъ религіознаго элемента. Между тѣмъ отъ православной церкви зараженные западнымъ либерализмомъ успѣли отвыкнуть, глубокой смыслъ ученія ея перестали понимать, требованій ея не въ силахъ были исполнять. Таковыя, изъ общества томимые неудовлетворимостью главной потребности духа обыкновенно кидаются на призывъ перваго пришельца, который съумѣетъ заговорить языкомъ доступнымъ ихъ разумѣнію, съумѣетъ затронуть ихъ чувства предложеніемъ доступной имъ формы религіи, которая давала бы имъ возможность успокоиться безъ особенной борьбы съ своими нравственными недугами.

Когда въ Петербургѣ подобнымъ образомъ были настроены очень многіе изъ высшаго круга, тогда и явился туда оригинальный проповѣдникъ, англійскій лордъ Гренвиль Редстокъ. Вслѣдствіе разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ проникнутый страстію къ миссіонерству и пропагандѣ своихъ воззрѣній, этотъ лордъ, кромѣ Англіи, въ продолженіе долгаго времени проповѣдовалъ во Франціи и въ Швейцаріи, пока не достигъ и предѣловъ Россіи. Оригинальный способъ проповѣди, состоявшій въ безъискуственномъ, импровизованномъ объясненіи Свящ. Писанія, сопровождаемомъ колѣнопреклоненными, также импровизованными, молитвами, пѣніемъ особыхъ стиховъ и т. п., вездѣ привлекалъ къ нему немало слушателей. Слухъ о новомъ проповѣдникѣ быстро распространился по Петербургу и заставилъ встрепенуть-

ся сердца той части Петербургскаго общества, которая падка до всякихъ новинокъ. А въ данномъ случаѣ новинка была немалая: англійскій лордъ — въ роли проповѣдника, миссіонера въ статскомъ платьѣ — какъ хотите—рѣдкость! А когда пронеслись слухи объ особенныхъ пріемахъ проповѣдника и о содержаніи его проповѣдей, то интересъ петербуржцевъ къ этой новинкѣ удвоился. Поэтому нечего удивляться тому, что скоро же въ проповѣдническую залу лорда стало стекаться многочисленное аристократическое общество, изъ котораго многіе сдѣлались ревностными послѣдователями Редстока и образовали изъ себя секту *редстокистовъ*. Между тѣмъ, самое содержаніе проповѣдей Редстока, хотя оно представляло собою не что иное, какъ только развитіе идей протестантства съ примѣсью методизма, для русскихъ было ново и привлекательно. Главнымъ пунктомъ его проповѣдничества былъ вопросъ объ оправданіи одною вѣрою; добрыя же дѣла въ этомъ случаѣ могутъ служить только тормазомъ, задерживающимъ человѣческое спасеніе; отсюда у Редстока вытекало отверженіе такихъ вспомогательныхъ и необходимыхъ средствъ нравственнаго преуспѣянія и спасенія человѣка, какъ обряды и таинство,—и самой церкви. По словамъ самого Редстока, «онъ понялъ, что прощеніе грѣховъ за добрыя дѣла невозможно; что грѣхи могутъ быть омыты только кровію Христа, а эта кровь уже пролита и омываетъ всякаго чувствующаго свою немощь и принимающаго Христа, какъ единаго Спасителя и единаго Ходатая между Богомъ и человѣкомъ,—слѣд. всѣ принявшіе Христа спасены, и имъ нечего безпокоиться за себя и плакать: сердце ихъ полно радости всесовершенной» Не мѣсто здѣсь подробно разъяснять—чего не понялъ Редстокъ, вслѣдствіе чего его ученіе «объ оправданіи» есть отрицаніе самыхъ существенныхъ требованій христіанства, безъ выполненія которыхъ и кровь Богочеловѣка можетъ не быть спасительною

для человѣчества, вслѣдствіе чего и радоваться пока еще нечему. Замѣтимъ только, что подобное ученіе самымъ прямымъ путемъ ведетъ ко всѣмъ крайностямъ нравственной распущенности, успокоивая совѣсть человека тѣмъ, что дѣло сдѣлано, и съ его стороны не требуется никакой борьбы съ злыми влеченіями ради нравственнаго самоусовершенствованія. Такое ученіе мы назвали привлекательнымъ, и не безъ основанія: освобожденіе человѣка отъ многихъ сложныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него христіанствомъ, какъ нельзя болѣе желательно въ томъ классѣ общества, гдѣ за ежедневной суетою, погонею за удовольствіями, мало остается времени заглянуть внутрь себя и подумать о своемъ спасеніи.

Однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей и слушателей проповѣдей Редстока былъ весьма богатый помѣщикъ, полковникъ Василій Александровичъ Пашковъ, которому и суждено было получить печальную извѣстность основателя секты, почему она стала называться по его фамиліи, хотя въ сущности онъ былъ только продолжателемъ дѣла Редстока. До своего увлеченія редстоковскимъ ученіемъ Пашковъ былъ самый обыкновенный аристократъ—богатый помѣщикъ, проводившій время среди разнообразныхъ свѣтскихъ удовольствій и развлеченій; къ религіи онъ относился холодно и даже пренебрежительно. На проповѣдь Редстока онъ пошелъ, вѣроятно, какъ и большинство, ради новинки, ради новости развлеченія. Не рѣшаемся брать на свою совѣсть рѣшенія вопроса,—дѣйствительно-ли проповѣдь Редстока произвела на Пашкова такое могучее впечатлѣніе, что пересоздала его внутренній міръ и образовала рѣшимость жить по духу, или же просто ему понравилась въ Редстокѣ роль проповѣдника, котораго всѣ такъ слушаютъ, который въ продолженіе долгихъ часовъ является предметомъ общаго вниманія—и Пашкову захотѣлось самому пережить тоже состояніе и сдѣлаться проповѣдникомъ. Какъ

бы то ни было, Пашковъ сдѣлался усерднѣйшимъ продолжателемъ дѣла Редстока: благодаря ему, сѣмена, посѣянныя лордомъ—проповѣдникомъ, дали хорошій всходъ на русской почвѣ. Открывши проповѣдническія собранія въ своихъ обширныхъ петербургскихъ домахъ, Пашковъ постарался расширить кругъ своихъ слушателей: кромѣ аристократіи, ему хотѣлось привлечь на свои бесѣды и простой народъ; это скоро ему удалось, благодаря, вѣроятно, особенно тому обстоятельству, что болѣе бѣднымъ посѣтителямъ онъ послѣ бесѣды оказывалъ вспомоществованіе то деньгами, то одеждой. Но Пашкову хотѣлось еще шире поставить дѣло своей пропаганды среди народа Съ этою цѣлію онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вліятельными лицами г. Петербурга образовалъ «Общество поощренія дух.-нравственнаго чтенія», которое, по видимой его полезности и благонамѣренности, было утверждено министромъ Внутр. Дѣлъ 4 ноября 1876 г. На самомъ же дѣлѣ задачею этого общества было распространеніе среди народа брошюръ съ протестантскими тенденціями, изложенными въ популярной формѣ: брошюры эти съ одной стороны были переводныя, а съ другой представляли собою искусственный подборъ текстовъ изъ Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній, благопріятствующихъ пашковскому ученію; цѣна этихъ брошюръ была назначена весьма низкая: 1 к.—1½ к., благодаря чему онѣ распространялись въ народѣ весьма быстро и, конечно, производили свое вліяніе. Той же цѣли, т. е. пропагандѣ протестантскихъ идей, служилъ еще иллюстрированный журналъ «Русскій рабочій». Помимо всего этого, Пашковъ и его сотрудники для распространенія своихъ заблужденій употребляли слѣдующій довольно своеобразный способъ. Новый Завѣтъ (а иногда и всю Библію) на русскомъ языкѣ они испестрили многочисленными отмѣтками,—подчеркнули въ немъ всѣ тѣ мѣста, которыя извѣстнымъ образомъ могутъ быть истолкованы въ

пользу протестантскаго ученія. Въ данномъ случаѣ, понятно, они руководились тѣмъ психологическимъ соображеніемъ, что человѣку свойственно во всякой книгѣ обращать преимущественное вниманіе на тѣ мѣста ея, которыя такъ или иначе отмѣчены. Наконецъ, говоря о средствахъ пропаганды Пашковымъ и К°, нельзя пройти молчаніемъ матеріальныхъ средствъ. Располагая огромнымъ состояніемъ, Пашковъ и нѣкоторые его сотрудники не щадятъ его на излюбленное дѣло, чѣмъ весьма и весьма сильно поддерживаютъ секту. Между прочимъ, Пашковъ въ Петербургѣ устроилъ дешевую столовую, чрезъ которую довольно широко ведется дѣло пропаганды.

Всѣ изложенныя обстоятельства первоначальнаго возникновенія секты пашковцевъ и затѣмъ довольно быстраго ея распространенія не могли, конечно, не обратить на себя вниманія гражданской и церковной власти. Когда бесѣды Пашкова въ Петербургѣ приняли очень широкіе размѣры и когда съ другой стороны сдѣлалось извѣстнымъ, что̀ Пашковъ проповѣдуетъ на этихъ бесѣдахъ,—тогда послѣдовало воспрещеніе ему устраивать какъ въ своемъ домѣ, такъ и въ другихъ частныхъ и общественныхъ зданіяхъ религіозно-нравственныя собранія. Это было въ 1877 г., т. е. спустя цѣлыхъ три года послѣ пріѣзда въ Петербургъ Редстока. Употребивъ эту наиболѣе дѣйствительную, мѣру для ограниченія пашковской пропаганды, Правительство въ слѣдующемъ 1878 г. поручило церковной власти увѣщевать Пашкова и его единомышленниковъ оставить свое заблужденіе и присоединиться къ церкви. Затѣмъ, столичное духовенство и по собственной иниціативѣ стало устраивать бесѣды съ народомъ въ строго православномъ духѣ въ противовѣсъ пашковскому протестантизму, стало избирать предметомъ своихъ проповѣдей разборъ и обличеніе новаго лжеученія. Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, столичное духовенство въ 1880 г. образовало

еще особое общество, которое главною задачею своею поставило борьбу съ вновь появившимся лжеученіемъ. Между тѣмъ въ томъ же 1880 г. послѣдовало еще разъ воспрещеніе Пашкову устраивать воскресныя бесѣды. Въ виду, несомнѣнно, всѣхъ этихъ ограниченій, Пашковъ на время счелъ лучшимъ оставить Петербургъ и перенести свою дѣятельность во внутреннія губерніи: это для него было очень удобно, такъ какъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ Пашковъ имѣетъ богатыя помѣстья. И вотъ заносятся сѣмена пашковскаго лжеученія въ губерніи Московскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Тульскую и др. Но перенося дѣятельность въ свои помѣстья, Пашковъ не забывалъ и Петербургъ: по временамъ онъ пріѣзжалъ сюда и открывалъ бесѣды, чѣмъ, конечно, воодушевлялъ своихъ послѣдователей, остававшихся въ Петербургѣ. Когда же, вѣроятно, газетные толки о пашковщинѣ попризамолкли, и самъ Пашковъ пересталъ быть предметомъ этихъ толковъ, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ снова началъ устраивать религіозно-нравственныя собранія. Къ этому времени относится выступленіе въ роли борца за православіе противъ пашковцевъ г. Богдановича (старосты Исаак. собора), который написалъ «Открытыя письма къ г. Пашкову»: въ нихъ авторомъ кратко изложено вѣроученіе пашковщины и указана неблаговидность средствъ, какими Пашковъ завлекалъ въ свою секту православныхъ, а затѣмъ сдѣланъ выводъ о вредѣ секты. Эти письма, а также начавшія мало-по-малу появляться газетныя замѣтки о новыхъ проявленіяхъ сектантской дѣятельности Пашкова и К° снова заставили Правительство обратить серьезное вниманіе на сектантовъ. Оно рѣшило принять болѣе энергичныя мѣры противъ зла. 24 мая 1884 года послѣдовало такого рода Высочайшее повелѣніе: «закрыть общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія и принять мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго распространенія ученія Пашкова на всемъ про-

странствѣ Имперіи. Послѣ этого, Св. Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ, а Министерство Внутр. Дѣлъ—губернаторомъ — слѣдить за распространеніемъ лжеученія и немедленно доносить высшему начальству. Послѣ такого рода правительственнаго распоряженія, Пашкову не только неудобно, но почти что невозможно было оставаться въ Петербургѣ: онъ уѣхалъ за границу.

Пока пашковское ученіе было достояніемъ лицъ изъ интеллигенціи, особенно высшаго круга, до тѣхъ поръ оно выражалось въ свойственной имъ приличной формѣ. Но лишь только оно стало прививаться народу, какъ обнаружилось, что оно носитъ въ себѣ тѣ же разрушительные элементы, какъ и южная штунда. Прежде всего пашковщина, такъ сказать, народная отличается такими же дерзкими хулами на православную церковь и ея святыни, какъ и штунда. Изъ судебныхъ процессовъ о тверскихъ пашковцахъ—крестьянахъ обнаружилось, что послѣдніе также, какъ штундисты, надругаются надъ иконами, мощами, святыми, праздниками, постами и т. д. Такъ, по показанію свидѣтелей по дѣлу одного крестьянина Тверской губерніи Орѣхова, пашковца, о священныхъ предметахъ прав. церкви отзывались такъ, что «сказать нехорошо»; святыхъ они называютъ уменьшительными именами, напр. Николкой, Нилкой и т. п. Излишне приводить еще примѣры подобнаго отношенія сектантовъ къ православной святынѣ, потому что оно было бы повтореніемъ того, что было сказано объ этомъ раньше.—Что касается политическихъ и соціальныхъ воззрѣній крестьянъ—пашковцевъ, то они не разработаны и не развиты такъ подробно и обстоятельно, какъ у штундистовъ, но несомнѣнно, что въ сущности эти взгляды тѣ-же самые (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ штундистскихъ крайностей, напр. о штундовомъ нѣмецкомъ царѣ). Такъ, намъ извѣстны изъ судебныхъ процессовъ о твер-

скихъ пашковцахъ такія выраженія ихъ о властяхъ. Одинъ пашковецъ Воробьевъ, на основаніи 2-го псалма ст. 2 и 3, говорилъ: «кромѣ Бога, нами никто не управляетъ», а жена его прибавила: «начальство учреждено *для дураковъ*, а для людей, ищущихъ правды оно не нужно».

Указывая на общія черты пашковщины со штундизмомъ, мы однако не смѣшиваемъ ихъ между собою. При выясненіи характера штундизма мы видѣли, что ему въ значительной степени, на ряду съ раціонализмомъ, сроденъ и мистицизмъ, что особенно ясно видно изъ ученія его о духовномъ озареніи. Раціонализмъ же пашковцевъ въ области вѣры пошелъ дальше. Религіозная мысль штундиста занимается еще многими религіозными вопросами, такъ или иначе еще рѣшаетъ эти вопросы. Въ пашковщинѣ же всѣ эти вопросы считаются лишними, кромѣ одного—о вѣрѣ въ свое спасеніе, такъ что, по замѣчанію г. Богдановича, вся догматика пашковцевъ можетъ быть выражена словами: «мы спасены». И еще одна черта довольно опредѣленно отличаетъ пашковцевъ отъ штундистовъ: послѣдніе очень много говорятъ о добрыхъ дѣлахъ, признавая ихъ необходимыми для спасенія, первые же (т. е. пашковцы) добрымъ дѣламъ не придаютъ никакого значенія для спасенія, говоря, что довольно проникнуться мыслію о Христѣ и крестѣ, чтобы изъ грѣшника сдѣлаться святымъ безъ всякаго духовно-нравственнаго подвига.

Говоря о пашковщинѣ, должно обратить особенное вниманіе на ея развитіе среди аристократіи и интеллигенціи. Это обстоятельство придаетъ ей особенно важное значеніе среди всего протестантствующаго сектантскаго міра. Достовѣрно извѣстно, что многіе петербургскіе пашковцы и особенно пашковки изъ высшаго круга имѣютъ сношеніе съ штундистами, поддерживаютъ ихъ, ободряютъ и, такъ сказать, доразвиваютъ ихъ отрицательныя религіозно-политическія воззрѣнія. Въ рукахъ

пашковцевъ—интеллигентовъ находится очень много разнообразныхъ средствъ пропаганды. Выше мы уже упомянули объ устройствѣ проповѣдническихъ собраній, объ изданіи брошюръ и журнала, о благотворительности, какъ о способахъ привлеченія народа въ пашковскую секту. Но, кромѣ этого, пашковцы - интеллигенты въ послѣднее время стали совершать «походъ» въ народъ, подобно тому какъ совершали его наши либералы въ 60-хъ годахъ. Но въ 60-хъ годахъ походъ въ народъ былъ неудаченъ вслѣдствіе того, что тогда «интеллигенція» «подходила къ народу очень грубо и слишкомъ прямо обнажила свое нигилистическое міросозерцаніе, діаметрально противоположное міросозерцанію набожнаго народа. Теперь же эта пропаганда начинаетъ принимать болѣе тонкія и болѣе обманчивыя формы, являясь, по выраженію одного изъ изслѣдователей современнаго сектантства, «въ библейской оправѣ раціоналистическаго сектантства». По сообщенію спеціальнаго органа о современномъ сектантствѣ (Миссіон. Обозр.), въ настоящее время народился особый типъ странниковъ-пропагандистовъ. «Извѣстно, говорится въ этомъ органѣ, что народъ нашъ искони любитъ странничковъ Божіихъ и относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. И вотъ въ послѣднее время иногда появляются странники, по внѣшнему своему виду ничемъ не отличающіеся отъ традиціоннаго типа странниковъ. Тотъ же длинный кафтанъ, отращенные волосы, котомка за плечами, посохъ въ рукѣ. Появляются они въ монастыряхъ, заходятъ въ церковь и повидимому молятся, крестятся. Затѣмъ, безъ всякаго труда сходятся съ простымъ людомъ, съ богомольцами, которые всегда не прочь послушать интереснаго разсказчика, много на своемъ вѣку исходившаго по св. мѣстамъ. И вотъ тутъ-то начинается пропаганда сектантства, пропаганда осторожная, ловкая, замаскированная, медленно вливающая ядъ духовнаго растлѣнія въ раскрытое довѣріемъ сердце простолюдиновъ, особенно

изъ богомольцевъ». По удостовѣренію того же органа, странники-сектанты бываютъ чаще всего изъ фанатичныхъ добровольцевъ-интеллигентовъ, чѣмъ изъ простолюдиновъ. Такъ, въ 1894 году въ Кіевскихъ обителяхъ появился изъ далекаго Сѣвера (Архангельска) такой интеллигентъ, проповѣдникъ пашковщины: молодой человѣкъ занималъ хорошо обезпеченное мѣсто (въ 1200 руб. жалованья); совращенный теперь петербургскими «дамами большаго свѣта» въ пашковскую секту, онъ оставилъ домъ, родную семью, старика-отца и, одѣвшись въ подбитый вѣтромъ полукафтанъ, пошелъ странствовать по бѣлу-свѣту съ проповѣдью о спасеніи одною вѣрою безъ церкви, таинствъ, безъ креста, поста и попа. Въ Курскѣ присталъ къ сектанту-пилигриму какой-то недужный шальной купеческій сынъ. Самозванные учители сняли въ Кіевѣ квартиру, туда зазывали изъ ночлежныхъ домовъ и монастырскихъ странноприимницъ слушателей и слушательницъ изъ простаго народа и вели съ ними бесѣды о вѣрѣ по цѣлымъ ночамъ, пѣли и пили чай (Мисс. Обозр. 1896 годъ, февраль стр. 38—39). Пашковцы и пашковки изъ интеллигенціи, стараясь лично пропагандировать излюбленное ими ученіе среди народа, еще болѣе заботятся о томъ, чтобы изъ самаго народа подготовить надежныхъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ, которые бы, выйдя изъ народа, могли говорить съ нимъ о вѣрѣ на вполнѣ понятномъ для него языкѣ. И въ этомъ отношеніи они достигли немалаго успѣха. Теперь—не рѣдкость встрѣтить мужика или рабочаго—проповѣдника, которые, подъ руководствомъ продолжателей дѣла Пашкова, до того изучили библію, что безъ затрудненія приводятъ десятки нужныхъ имъ текстовъ, которые всѣ подобраны искусно для доказательства ихъ сектантскаго ученія!—Мы лично имѣли случай неоднократно бесѣдовать съ такими мужиками-пропагандистами и можемъ засвидѣтельствовать, что знаніе ими нужныхъ текстовъ замѣчательно,—но только именно въ этихъ текстахъ

они сильны и находятся среди нихъ, какъ въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ.

Итакъ, намъ представляется, что дѣятельное участіе пашковцевъ и пашковистокъ изъ высшаго круга въ пропагандѣ сектантства, ихъ сочувственное отношеніе къ сектантству народному, вливаетъ во все русское сектантство свѣжую струю, даетъ ему новыя силы, дѣлаетъ его болѣе смѣлымъ и дерзкимъ. Извѣстно, что штундисты весьма гордятся тѣмъ, что въ Петербургѣ у нихъ есть сильные и образованные покровители. Мало этого, дѣлая заключеніе отъ частнаго къ общему, мы нерѣдко высказывали мысль, что ихъ сторону держитъ большинство лицъ, власть имущихъ. Отсюда проистекали ихъ дерзкія попытки получать полную религіозную свободу; отсюда ихъ многочисленныя депутаціи въ Петербургъ и прошенія даже на имя самого Государя Императора.

С) *Толстовство*, какъ секта. — Тяготѣніе современнаго сектанства къ толстовству, представляющему собою завершеніе политическихъ упованій раціоналистическихъ сектъ.—Что такое толстовство съ религіозной стороны и со стороны соціально-политическихъ воззрѣній; выводъ: толстовство—секта не религіознаго, а политическаго характера.

На ряду со штундою и пашковщиною, въ самое послѣднее время нарождается и развивается новая секта, которая грозитъ быть самымъ опаснымъ врагомъ церкви и государства и объединить въ себѣ всѣ крайне раціоналистическія движенія въ русскомъ народѣ. Мы разумѣемъ толстовство. У насъ всѣ образованные люди знаютъ Толстого, какъ писателя—художника, знаютъ его, какъ богослова—философа; но далеко не всѣ знаютъ его, какъ основателя сектантскаго толка, самаго крайняго раціоналистическаго по своему направленію и самаго вреднаго въ церковномъ и государственномъ отношеніи.—Обзоръ штундизма и пашковщины намъ показалъ, что какъ тотъ, такъ и другая, при всѣхъ

своихъ крайностяхъ и заблужденіяхъ, удержали ученіе о личномъ Богѣ и объ извѣстныхъ отношеніяхъ человѣка къ Нему, удержали, такъ сказать, то, что составляетъ сущность, зерно всякой религіи, — и потому не впали въ безбожіе. Толстовство же, наоборотъ, проповѣдуетъ полное безбожіе, хотя и говоритъ не мало о Богѣ. Пока толстовское міровоззрѣніе не прививалось къ народу, оно было ни болѣе—ни менѣе, какъ богословско—философской доктриной, но съ половины 80-хъ оно начинаетъ быть сектантскимъ народнымъ движеніемъ. Оно успѣло привиться въ губерніяхъ Харьковской, Воронежской, въ кавказское духоборчество, и имѣетъ не малый успѣхъ среди штундистовъ. Не имѣя времени говорить о постепенномъ ростѣ и развитіи толстовства, мы остановимся только на общей характеристикѣ его со стороны религіозной и политической. Разсматриваемое съ религіозной стороны, толстовство должно быть названо невѣріемъ въ Бога личнаго, пантеизмомъ или даже атеизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не есть атеизмъ ученіе о томъ, что личнаго Бога нѣтъ, а Богъ есть только премірный разумъ, сотворившій видимый міръ, который, какъ получившій отъ Бога свое бытіе, и есть истинный Сынъ Божій? отсюда отрицаніе Втораго Лица Пресв. Троицы и непризнаніе за І. Христомъ богочеловѣческаго достоинства. Не нужно, кажется, говорить о томъ, что толстовство отрицаетъ все, что нашею церковію признается, не только ея установленія, таинства и обряды, но даже и всѣ основные догматы христіанства; довольно замѣтить, что со стороны крайняго отрицанія эта секта опередила всѣ доселѣ извѣстные въ исторіи нашего сектантства толки. Но суть толстовства заключается не въ его религіозномъ ученіи, которое очень несложно, а для народа и мало понятно, а въ его соціально-политическихъ воззрѣніяхъ, развиваемыхъ хотя и на почвѣ религіозной, но въ духѣ анархіи и прямаго соціализма. Тол-

ствовство сулитъ своимъ послѣдователямъ «царство Божіе» на землѣ. Но что оно разумѣетъ подъ такимъ царствомъ? Такое устройство человѣческаго общества, чтобы всѣ были равны, чтобы не было ни начальства, ни подчиненныхъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, отсюда— отрицаніе власти, какъ насилія, какъ зла; уравненіе бѣдныхъ и богатыхъ, по ученію послѣдователей толстовства, должно произойти чрезъ отобраніе у богатыхъ ихъ имущества, и землевладѣльцевъ ихъ земли, и чрезъ раздѣлъ всего поровну между всѣми способными къ физическому труду. Корень всякаго зла, по ученію толстовства,—идея ассоціированія и всякая ассоціація— зло. Церковь—не христіанское учрежденіе, а вѣдомство православнаго исповѣданія; она якобы развращаетъ людей, служа грязнымъ цѣлямъ ассоціаціи. Такое-то ученіе представители толстовства, въ родѣ князя Хилкова въ Харьковской губерніи, стали прививать народу. Что касается метафизической стороны этого ученія, то она по своей отвлеченности плохо усвояется простецами; но съ своей отрицательной религіозной стороны, которая, кстати сказать, совпадаетъ съ ученіемъ штундистовъ и пашковцевъ, оно нравилось имъ, такъ какъ обѣщаетъ спасеніе безъ всякихъ подвиговъ и нравственныхъ усилій со стороны человѣка, не требуя отъ него ни молитвы, ни поста, ни соблюденія обрядовъ, ни совершенія таинствъ и т. п. Поэтому, нерѣдко крестьяне, отзываясь о штундизмѣ, говорятъ: «ужъ очень легкая эта вѣра». Но особенно привлекательнымъ и заманчивымъ для неразвитаго крестьянина, живущаго въ тяжелыхъ условіяхъ, является соціалистическое ученіе толстовства, какъ оно пропагандировалось въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ: «Податей не платить, дѣтей въ военную службу не отдавать, землю у землевладѣльцевъ отнять, стать богатымъ безъ труда, съ полиціею и судами никакого дѣла не имѣть, никому не кланяться, не повиноваться, никакихъ законовъ и правительствен-

ныхъ распоряженій не исполнять, быть всегда и вездѣ полнымъ и самовластнымъ хозяиномъ и т. п. (Дѣян. 3 Миссіонер. съѣзда, стр. 162). Да не рай-ли это земной для крестьянина?! А толстовцы и говорятъ, что должно наступить царство Божіе на землѣ.

Изложенное ученіе толстовства довольно скоро и прочно прививается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде существовали какія-нибудь раціоналистическія секты,—особенно, напр. штундизмъ, пашковщина и духоборчество. По замѣчанію одного изслѣдователя, «оно незамѣтно ассимилируется съ ними и затѣмъ уже, какъ болѣе свѣжее и болѣе богатое умственными силами, начинаетъ постепенно подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лжеученія». А вотъ отзывъ харьковскаго духовенства о пропагандѣ толстовства среди сектантовъ. «Въ послѣднее десятилѣтіе многочисленные агенты графа Л. Толстаго съ особенною ревностію и энергіею начали стремиться къ тому, чтобы слить всѣ разнообразныя ученія раціоналистическаго сектантства съ ученіемъ своего лжеучителя. Съ этою цѣлію они распространяютъ среди штундистовъ составленный Толстымъ «катихизисъ братства Іисуса» (штунды), по внѣшнему своему плану напоминающій катихизисъ православной церкви м. Филарета. Въ катихизисѣ этомъ, однако же, сектантскія ученія и въ частности ученіе штундизма почти совсѣмъ не затрогиваются, но за то со всею ясностію и полнотою излагается лжеученіе Толстаго. Стремленія агентовъ его въ значительной степени начинаютъ уже находить свое осуществленіе. Сектантскія лжеученія мало-по-малу теряютъ свою самостоятельность и оригинальность, объединяясь съ ученіемъ Толстого. Подъ вліяніемъ послѣдняго, сектанты охладѣваютъ къ чисто религіознымъ вопросамъ и становятся на почву соціалистическую и даже нигилистическую». Плоды толстовства успѣли уже печально сказаться и въ дѣйствительной жизни. Такъ нѣкоторые толстовцы въ Харьковской губерніи отказываются отъ

уплаты податей и поступленія въ военную службу. Понимая, что въ ученіи православной церкви лежитъ могущественная православная нравственная опора существующаго государственнаго порядка, харьковскіе толстовцы говорятъ: «якъ бы не було попивъ, то ни було-бъ и царивъ, не було-бъ ни войска, ни судивъ, ни справниковъ, ни губернаторовъ; не дралы-бъ зъ насъ и грошій яа подати». Какъ слѣдствіе такихъ воззрѣній, было то, что нѣкоторые толстовцы Харьковской губерніи отказались принять присягу на вѣрноподданничество Государю Императору Николаю Александровичу. Подобныя воззрѣнія толстовцевъ, какъ сказано выше, проникаютъ и въ южно-русскій штундизмъ. Такъ одинъ штундистъ, бесѣдуя съ православнымъ, имѣлъ дерзость сказать: «вотъ какъ-бы наша сила набралась, какъ бы были всѣ штундовые, то намъ никого бы тогда не надо было, мы бы «стасовали» (упразднили) и церковь, и правительство и царя» (М. О. 1897 г. февр. кн. II, стр. 177).

Но не довольно-ли намъ приводить доказательствъ того, что толстовство является не столько сектою религіозною, сколько соціально-политическаго, и не пора-ли заключить свою рѣчь объ немъ словами одного изслѣдователя, близко знающаго интеллигентныхъ послѣдователей толстовщины: «эта новѣйшая форма нашего сектантства укрываетъ подъ своею ферулою интеллигентовъ соціалистическаго образа мыслей, которые въ свою очередь начали безнаказанно посѣвать сѣмена безбожія и анархіи и въ средѣ народной, маскируя религіей въ глазахъ правительства, и предъ народомъ свои противогосударственныязатѣи» (Дѣян. 3 Мисс. Съѣзда, стр. 191).

III.

III. Заключительныя замѣчанія о сектахъ раціоналистическаго характера.—Что такое сектантскій раціонализмъ? Религіозная секта, пока она остается таковою, не можетъ быть вполнѣ раціоналистическою; необходимость присутствія въ каждой религіозной сектѣ элемента мистическаго.—Возможность вырожденія крайне-раціоналистическихъ сектъ въ отрицательныя атеистическія и антигосударственныя системы.

Всѣ разсмотрѣнныя нами секты называются общимъ именемъ раціоналистическихъ. Но что такое сектантскій раціонализмъ? Это вовсе не то, что раціонализмъ, такъ сказать, философскій, отрѣшенный отъ религіозной основы. Поэтому раціонализмомъ въ сектантствѣ мы называемъ *своевольное* построеніе своего вѣро—и—нравоученія, искусственно обосновываемаго тѣми или другими источниками христіанскаго вѣроученія, при чемъ оно прежде всего выражается въ грубомъ отрицаніи прежнихъ формъ религіи,—у насъ на Руси—православной. Если раціонализмъ философскій можетъ быть свойственъ только людямъ болѣе или менѣе развитымъ, то раціонализмъ сектантскій одинаково можетъ быть присущъ даже невѣждамъ, что съ ясностію и подтверждаетъ исторія сектантства. Кромѣ сектъ раціоналистическихъ, существуютъ еще секты, извѣстныя подъ общимъ названіемъ мистическихъ. Но такое подраздѣленіе всѣхъ русскихъ сектъ на два разряда нельзя назвать строго опредѣленнымъ и ясно характеризующимъ народное сектантство.

Въ основаніи такого дѣленія русскихъ сектъ лежитъ то положеніе, что одни изъ нихъ ищутъ разрѣшенія тревожныхъ религіозныхъ вопросовъ и недоумѣній, ищутъ «праваго пути ко спасенію» подъ руководствомъ своего ума, а другія слѣдуютъ голосу сердца, чувства. Но мы сказали-бы неправду, если бы провели рѣзкую грань между сектами раціоналистическими и мистическими.

Большая часть такъ называемыхъ раціоналистическихъ сектъ заключаетъ въ себѣ очень много элементовъ мистическихъ,—и нельзя указать ни одной такой секты, въ ученіи которой былъ-бы одинъ чистый раціонализмъ и совершенно отсутствовалъ мистицизмъ. Поэтому, по отношенію къ большинству русскихъ сектъ протестантскаго характера приложимо названіе мистико-раціоналистическихъ сектъ. Да и по самому существу дѣла, религіозная секта, пока она остается таковою, не можетъ быть свободна отъ элемента мистическаго, потому что въ основѣ каждой религіи лежитъ извѣстное отношеніе конечнаго къ безконечному, человѣка къ Богу,—живой союзъ ихъ, который не можетъ ограничиваться холоднымъ познаніемъ, а долженъ обнимать собою всѣ силы души человѣка—преимущественно же сердце. Тамъ же, гдѣ этотъ союзъ порывается, гдѣ человѣкъ хочетъ не вѣрить, а только знать, логически понимать все сверхчувственное, кончается религіозное отношеніе къ Богу и, вмѣсто его, начинается философское объясненіе всего міросозданія. Устраненіе изъ религіи вѣры и извѣстнаго отношенія вѣрующаго къ Богу равносильно уничтоженію самой религіи. Что сказано вообще о религіи, то же должно сказать и о всякой религіозной сектѣ какого угодно направленія и характера. Поэтому, и всѣ наши такъ называемыя раціоналистическія секты, при всемъ своемъ грубомъ отрицательномъ направленіи, такъ свойственномъ всякому раціонализму, непремѣнно заключаютъ въ себѣ элементы мистическіе, заключающіеся въ извѣстномъ внутреннемъ отношеніи сектанта къ Богу, не поддающемся обыкновенному постиженію и объясненію умомъ. Поэтому же, далѣе, тѣ секты, которыя по пути отрицаютъ и стремленія объяснить все въ религіи своимъ умомъ, такъ чтобы не оставалось ничего для вѣры, секты т. наз. крайне-раціоналистическаго направленія весьма близки къ вырожденію ихъ сектъ религіознаго характера въ отрицательныя

атеистическія системы, гдѣ на мѣсто живаго Бога, къ Которому тяготѣетъ всякій вѣрующій, поставляется безличная божественная сила, разлитая въ мірѣ и управляющая имъ, а вмѣсто духовнаго небеснаго царства съ сонмомъ небожителей—царство земное съ извѣстнымъ устройствомъ, которое придумывается согласно съ мечтами сектантовъ о свободѣ, равенствѣ, всеобщемъ довольствѣ и т. п. Это послѣднее приводитъ сектантовъ къ отрицанію современнаго государственнаго строя и къ стремленію на мѣсто его основать *на землѣ* такое царство, въ которомъ не было бы ни властей, ни ни стѣсненій, ни судовъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и т. п. Так. обр., здѣсь уже ясны элементы какъ атеистическаго, такъ и антигосударственнаго характера. Устранивъ христіанскаго личнаго Бога, сектанты начинаютъ мечтать не о будущей блаженной жизни, которой не должно быть (такъ какъ, по ихъ мнѣнію, и Бога нѣтъ), а о возможно-полномъ благоденствіи на землѣ—о полной свободѣ, равенствѣ, братствѣ и, такимъ образомъ, сдѣлались отрицателями христіанскаго Бога, становится во имя отвлеченныхъ идей, не имѣющихъ своей основы въ Богѣ, въ оппозицію государству, дѣлаются его врагами. При обзорѣ современнаго русскаго сектантства мы видѣли, что несли крайнія раціоналистическія секты на пути къ подобному вырожденію, которое можетъ совершиться подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе проникающаго въ среду сектантства толстовства.

Но дай Богъ, чтобы этого не случилось, дай Богъ, чтобы заблуждающіеся шли не далѣе по пути отрицанія, не уходили отъ Церкви во страну далече, а чтобы, напротивъ, вразумились яснымъ божественнымъ благоволеніемъ къ нашей православной церкви, проявляемымъ въ послѣднее время въ особенныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, каково, напр., недавнее поразительное чудо въ Курскѣ!

Д. Скворцовъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР